

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Я. Я. РОГИНСКИЙ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА И ТЕОРИЯ «ПОЛИЦЕНТРИЗМА»

В течение последних лет в антропологии с новой силой вспыхнул старый спор, произошли ли человек современного типа и ныне живущие расы в одном или в нескольких различных пунктах земного шара. В отличие от полигенистов, современные сторонники теории множества центров происхождения *Homo sapiens*, как правило, не утверждают, что ныне существующие расы людей соответствуют видам в зоологии, и, в отличие от полифилистов, не стремятся доказать, что современные расы происходят от различных видов или родов обезьян. Вопрос в этом случае поднимается и получает свое разрешение в пределах систематики человека, не выходя за границы семейства гоминид. Наиболее детально аргументирована и отчетливо выражена эта точка зрения в работах Франца Вейденрейха¹. Этот крупнейший исследователь в течение ряда лет защищает теорию, которой он дал название «полицентризма» и основное содержание которой заключается в том, что процесс превращения древнейших и древних форм людей в современные формы человека шел независимо в разных областях земного шара приблизительно в одном направлении, хотя и с различной скоростью. Причина этой эволюции коренилась во внутренних тенденциях организмов наших предков. В докладе на Интернациональном конгрессе в Копенгагене в 1938 г. Вейденрейх² наметил четыре центра эволюции человека. В Африке путь развития шел от родезийского человека к неграм. В Юго-Восточной Азии линия генеалогии шла от питекантропа через нгандонгского человека к вадьякскому, а от последнего — к современным австралийцам. В Восточной Азии синантроп превратился в «сино-неандертальский тип» (пока гипотетический), от которого ведут свое начало различные монгольские группы. Остается нерешенным вопрос о происхождении европейских рас. Вейденрейх предположительно связывает группу «Эрингсдорф», в частности тип из Крапины, с находками из грота «Табун» в Палестине: кроманьонцев Западной Европы он выводит из типа Схул в Палестине. В общем та же схема изложена Вейденрейхом в монографии о черепе

* Настоящая статья представляет собой основные выводы работы того же автора «Теории моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения *Homo sapiens* и его рас», публикуемой в Ученых записках Музея антропологии МГУ с удлинением в 1946 г. премии имени Ломоносова Российской Академии наук.

¹ М. Г. Левян, Новая теория антропологии Ф. Вейденрейха. Советская этнография. 1946. № 1.

² F. Weidenreich, The classification of the fossil hominids and their relations to each other, with special reference to *Sinanthropus pekinensis*, 1939. Congrès international des sciences anthropologiques et ethnologiques. Compte rendu de la deuxième session, Copenhagen, 1938.

сравнительно. Наиболее явче сформулировано положение родезийского человека в гоминиде современных рас. Линия развития шла от человека из Бромхейлда к «некоторым южным африканским расам современности»³.

Один из самых важных аргументов Вейденрейха заключается в том, что в данном локальном типе древних людей можно видеть уже многие особенности, которыми характеризуются современные расы, обитающие ныне на той же территории. Так, по мнению Вейденрейха, сагиттальный ободок мозгового черепа очень сходен у питекантропа, у нгандонгского человека и у современного туземца Австралии. Наиболее подробно рассматривает Вейденрейх признаки, сближающие череп синантропа с современными монгольскими расами (и группами, родственными монголам). Таких специальных черт сходства между синантропом и монголами Вейденрейх насчитывает двенадцать.

Вопрос о количестве центров происхождения современного человека и его рас несомненно заслуживает пристального внимания. Его значение не только в связанной с ним исторической традиции, но прежде всего в том, что он затрагивает самые различные стороны эволюции человека и расогенеза. С ним связаны вопросы о факторах человеческой эволюции, о роли дивергенции, параллелизма, конвергенции, о взаимоотношении биологических и социальных закономерностей, о степени родства и единства рас современного человека и мн. др. Кроме того, влияние теории полицентризма уже дает о себе знать в целом ряде зарубежных и советских работ по палеоантропологии. В той или иной мере разделяют эту точку зрения Мак-Коун и Кизс⁴, Гэтс⁵, Добжанский⁷ и др.

Главной задачей настоящей работы является изложение выводов, к которым пришел автор в результате подробного анализа вопроса о большем или меньшем сходстве современных рас с теми наиболее древними местными типами, которые предшествовали им на этой территории в течение плейстоцена. Очевидно, что для полного представления о степени сходства ископаемых находок с расами современных людей было необходимо привлечь для сравнения по возможности весь комплекс краниологических признаков, принятых в систематике рас. Для решения этой задачи пришлось, по ряду соображений, разработать специальный прием, сущность которого заключается в следующем.

Для возможно большего числа измерительных, т. е. непрерывных, признаков черепа составляется таблица минимальной и максимальной величин по различным расам земного шара (имеются в виду средние арифметические величины для каждой расовой серии). Затем определяется место исследуемого древнего черепа по отношению к тем расам, которые находятся по данному признаку в максимуме или минимуме. Затем подсчитывается, по скольким признакам наиболее далеким от данного древнего черепа, т. е. его «антиподом», оказывается каждый современный расовый тип (негритянский, монгольский, австралийский, бушменский, американский и т. д.). Далее подсчитывается, сколько раз те же расы встречаются при том же сопоставлении в качестве «неантиподов» изучаемого древнего черепа. Разница между обеими частотами,

³ F. Weidenreich, The skull of *Sinanthropus pekinensis*, a comparative study on a primitive hominid skull, *Palaeontologia Sinica*, 1943, New Series D No. 10, Whole Series No 127.

⁴ F. Weidenreich, The skull of *Sinanthropus pekinensis*, p. 254.

⁵ Theodore McCown and sir Arthur Keith, The stone age of Mount Carmel, the fossil human remains from the Levallois — Mousterian, 1939, vol. II.

⁶ Ruggle R. Gates, Phylogeny and classification of hominids and anthropoids, *Am. Journ. of Phys. Anthropology*, vol. 2, 1944, No. 3, pp. 279—292.

⁷ Theodosius Dobzhansky, On species and races of living and fossil man, *Am. Journ. of Phys. Anthropology*, vol. 2, No. 3, pp. 251—265.

выраженными в процентах, дает представление о степени удаленности по комплексу признаков ископаемого черепа от современных рас. Так, например, распределение различных рас среди «антиподов» палестинского черепа «Схул IX» и среди остальных, т. е. «неантиподов» этого черепа, показало, в частности, что монгольские расы оказались среди антиподов Схул IX в пяти признаках (что составляет 19,3% от общего числа всех признаков, равного в этом случае 46); среди «неантиподов» черепа Схул IX монголоидные расы фигурировали 17 раз (или в 48,4% случаев), т. е. значительно чаще (на 29,1%). Таким образом, череп Схул IX по очень малому числу признаков удаляется от монголоидной расы и тем самым сравнительно близок к ней. Наоборот, при сопоставлении с негроидной расой обнаруживается, что последняя среди «антиподов» черепа Схул IX попадает в 34,8% всех случаев, а среди «неантиподов» — только в 14,5%; отсюда следует вывод о сравнительно большей удаленности данного древнего черепа от негроидных серий.

Материалом для суждения о величине межгрупповых различий послужили все наиболее крупные и тщательно изученные разными авторами серии черепов, измерения которых были проведены или по методике Р. Мартина или по близкой к ней методике английской биометрической школы. Для проверки пригодности метода был проведен целый ряд сопоставлений современных расовых краниологических типов между собой. Место больших рас в систематике и степень их взаимной близости достаточно точно устанавливаются с помощью разнообразных приемов на основании морфологии живых субъектов, положения ареалов, фактов истории. Совпадение с этими общими данными выводов, получаемых посредством предложенного автором метода, может служить гарантией надежности последнего.

Сопоставление отдельных расовых серий с таблицей максимумов и минимумов привело к результатам, которые вполне соответствуют теоретическому ожиданию. Так, негры Тейта оказались наиболее близкими к меланезийской и родственным ей расам; норвежцы из Осло обнаружили наибольшую близость к другим европейским сериям и меньшую близость к монгольским, негритянским и прочим неевропейским расам; яванцы оказались наиболее близкими к монгольским расам, австралийцы — к негритянским и меланезийским расам и т. п.

Убедившись в пригодности метода «максимумов и минимумов» для решения вопроса о степени близости типов, автор приступил к непосредственно интересовавшей его задаче. Были рассмотрены и изучены данные по следующим ископаемым находкам человека: Ля Шапель, Неандерталь, Спи I, Спи II, Монте Чирчео, Ля Феррасси, Ля Кина, Гибралтар⁸, объединенные под общим названием «западноевропейских неандертальцев»; Штейнгейм⁹; Эрингсдорф¹⁰; родезийский человек: Схул IV, Схул V, Схул IX, объединенные под названием «Схул»; Табун I; Нгандонг I, Нгандонг V, Нгандонг VI, Нгандонг IX, Нгандонг X, Нгандонг XI, объединенные под названием «нгандонгские черепа»; синантроп (по нескольким фрагментам); питекантроп I, питекантроп II¹¹. В результате сопоставления названных древних людей с современными расами по абсолютным размерам черепа, по индексам и

⁸ G. Morant, Studies of palaeolithic man, a biometric study of neanderthaloid skulls and of their relationships to modern racial types, from *Annals of Eugenics*, vol. II, parts III and IV, October 1927; M. Moszkowski Die Schädel der Altsteinzeit, ihre Fundstätten und ihre Masse, *Tabulae biologicae periodicae*, Bd. IV, 1934, No. 3. Berlin; S. Sergi. Il cranio neandertaliano del Monte Circeo. *Atti della Reale Accademia Nazionale etc.*, XXIX, 1939, fascicolo 12, nota preliminare.

⁹ H. Weinert, Der Urmenschenschädel von Steinheim. *Ztschr. für Morphologie und Anthropologie*, XXXV, 1936, S. 463—518.

¹⁰ F. Weidenreich. *Der Schädel von Weimar-Ehringsdorf*. 1928. Jena.

¹¹ F. Weidenreich. *The skull of Sinanthropus pekinensis*.

углам оказалось, что в общем локальные формы древнего человека отличаются одна от другой по степени их близости к различным современным расам. Наиболее близок к монголоидным расам родезийский человек, а наиболее несходен с монголоидными расами человек из Штейнгейма. Наиболее близок к негроидным расам человек из Штейнгейма, а наиболее далеки от них нгандонгский человек с о. Явы и западноевропейские неандертальцы. Всего ближе к европейским расам эрингсдорфский человек и западноевропейские неандертальцы, а всего дальше — родезийский человек. Наибольшее приближение к австралийской расе обнаруживает штейнгеймский человек и западноевропейские неандертальцы, а всего менее сходным с австралийской расой оказывается эрингсдорфский человек и питекантроп I.

Очевидно, что в общем совпадения между степенью морфологической близости современных и древних типов и их распределением в пространстве не имеется. Так, родезийский человек менее отличается от монголоидной расы, чем синантроп; штейнгеймский человек значительно меньше отличается от негроидной расы, чем родезийский человек; палестинский человек из грота Схул (взятый суммарно) почти не отличается по своей близости к монголоидам от синантропа. Если же, принимая во внимание большие отличия между черепами из грота Схул, рассматривать их каждый в отдельности, то снова обнаруживаются факты, стоящие в явном несоответствии с концепцией полицентризма. Наиболее близким к монгольским расам среди всех ископаемых гоминид оказывается Схул IX, а наиболее близким к австралийской расе Схул V. Если сделать сопоставления, исключив абсолютные размеры, т. е. оставив одни индексы и углы, то результаты оказываются очень сходными с только что изложенными. Если из общей массы признаков выделить только те, которые считаются наиболее важными в систематике больших рас, то выводы, сделанные выше, и в этом случае полностью сохранят свою силу. Так, например, синантроп оказывается более «негроидным», чем родезийский человек по носовому указателю и по углу профиля альвеолярного отдела. Нгандонгский человек обладает чрезвычайно малой высотой свода черепа относительно ширины основания (ушная высота в процентах биаурикулярной ширины равна у него в среднем 72,6). Аналогичные размеры западных неандертальцев гораздо выше: 84,1 у Ля Шапелль, 88,9 у Ля Кина, 93,1 у Спи I. Распределение этого признака у современных рас как раз обратное тому, какого следовало ожидать с точки зрения теории полицентризма: у норвежцев индекс высоты равен 90,6, а у туземцев Австралии 98,8.

Что касается такого специального признака, как вздутие на внутренней поверхности зубного отростка нижней челюсти (*torus mandibularis*), которому Вейденрейх придает очень большое значение в смысле доказательства особой близости синантропа к монгольским расам, то следует иметь в виду бесспорные случаи его большой частоты и у других, немонгольских народностей. Так, Семенова нашла его в большом проценте на черепах арменоидного типа из древнеболгарских погребений¹², а Дреннан — у бушменов¹³.

Некоторым исключением из общего правила является наличие сходных черт у западных неандертальцев, у эрингсдорфского и штейнгеймского человека с современными расами Европы. О значении этого факта будет сказано ниже. Однако и в этом случае нужно иметь в виду, что высокая спинка носа и острый нижний край грушевидного отверстия

¹² Зинаида Семенова, Антропологический тип населения городища «Великие Болгары», 1945 (рукопись)

¹³ M. Drennan, The *torus mandibularis* in the Bushman. Journ. of Anatomy, LXXII, 1947, part I. October, pp. 66—70.

западных неандертальцев — черты, сближающие их с современными европейцами, — сочетаются с другими, совершенно не европейскими чертами костного носа, — с очень плоским переносьем и огромной абсолютной шириной грушевидного отверстия. Эта последняя особенность делает европейских неандертальцев несколько более негроидными, чем родезийский человек.

Отсутствие соответствия между ископаемыми формами и современными расами на той же территории — существенный факт, лишаящий полицентризм важного аргумента. Однако он недостаточен для опровержения этой концепции, так как не исключена возможность (гипотетически говоря), что ныне живущие расы происходят от разных древних гоминоид и некогда имели еще специальное сходство с ними, но впоследствии это сходство утратили. Для разрешения вопроса, очевидно, необходимо рассмотреть его с других сторон и привлечь дополнительные факты.

Против теории «полицентризма» свидетельствуют еще следующие обстоятельства:

1) Большое сходство современных рас друг с другом по многим признакам, которые резко отличают их всех в совокупности от неандертальского человека. Сюда относятся, например: наличие перемычки между средней и латеральной частью надбровных дуг, малая величина отношения длины основания черепа к длине сагиттальной дуги мозгового свода, небольшая величина «мощности» коронки верхнего клыка (получаемая как произведение длины на ширину), малая высота корня клыка, малый относительный размер локтевого отростка, выраженный в процентах длины локтевой кости.

2) Значительные различия между древними локальными типами по таким признакам, которые всегда сходны у современных рас. В качестве примеров можно привести следующие признаки: величина полости коренных зубов, сравнительная величина первых и вторых коренных зубов нижней челюсти, форма клыка, выраженная «индексом коронки», развитие и форма затылочного рельефа, степень выступания и мощность латерального отдела надглазничной дуги, наличие «отрицательного» и «положительного» подбородка, размеры «верхней ширины лица», отсутствие или наличие лобных пазух, количество подбородочных отверстий (*foramen mentale*), наличие или отсутствие промежутка (диастемы) между клыками и боковыми резцами верхней челюсти, длина теменной сагиттальной дуги черепа в процентах затылочной дуги, общий тип строения кисти и стопы, в особенности структуры суставных площадок. Наиболее резкий контраст в этих последних признаках представляют находка в гроте Киик-Коба, описанная Бонч-Осмоловским, с одной стороны, и скелеты из палестинских гротов Табун и Схул — с другой.

Можно привести также такие особенности, по которым современные расы сильно отличаются друг от друга, но все-таки гораздо меньше, чем различались между собой древние гоминоиды. В 1924 г. Вейденрейх опубликовал сообщение о древних людях гигантских размеров с о. Явы и из Южного Китая¹⁴. Из них «мегаантроп» по массе тела и по силе напоминал большого самца гориллы, а «гигантспитек», от которого сохранились зубы, по мельчайшим деталям узора жевательной поверхности чрезвычайно сходные, по словам Вейденрейха, с человеческими, был еще гораздо больше, так как объем коронки третьего нижнего коренного зуба превосходил у него современный зуб среднего размера в шесть раз! Если диагноз Вейденрейха правилен, то эти факты, несомненно, представят большие трудности для теории полицентризма. Пре-

¹⁴ Franz Weidenreich, Giant early man from Java and South China, 1924, reprinted from Science, June 16, vol. 99, No 2581, pp. 479—482.

достоверно, что некоторые резко выраженные типы древних людей исчезли, не оставив потомства, что нарушает стройность концепции Вейденфельда, согласно которой все известные нам в палеоантропологии типы (исключая классических неандертальцев) по внутренним законам своей организации должны были превратиться в современных людей. Если же «гиганты» Юго-Восточной Азии — действительно предки современных рас, обитающих в Австралии или в Индонезии, то непонятно, какая причина стерла всякие следы этого происхождения у населения современных областей. Другой аналогичный пример. Если сравнить современные большие расы по толщине костных стенок черепа (по сумме толщин нижнего отдела лобной кости и затылка), то можно обнаружить довольно крупные различия. По данным Вагнера¹⁵, разница между продольным диаметром черепа и длиной мозговой полости внутри черепа равна у австралийцев 19,53 мм, у норвежцев — 15,46 мм, у эскимосов — 13,91 мм; если выразить разницу между австралийской и эскимосской сериями (5,62 мм) в процентах эскимосской величины, то получим 40,4%. Если же взять аналогичную разницу между нгандонгскими черепами (средн. арифм. по шести черепам) и черепами западных неандертальцев (средн. арифм. по Ля Шапелль, Неандерталь, Гибралтар), то получим огромную разницу: $41,5 - 23,7 = 17,8$ мм, что составляет 75,1% меньшей величины.

3) Вероятность параллельного или конвергентного появления сходных комплексов черепных и других признаков в отдаленных областях у рас, имеющих разных предков, уменьшается тем обстоятельством, что очень многие видовые признаки *Homo sapiens*, как это показал специальный анализ, связаны между собой ничтожно малой (положительной) корреляцией или не связаны вовсе. Эти признаки могли сложиться в некоторую систему только в результате исторического процесса, так как физиологически они независимы друг от друга. Но общность исторических закономерностей не могла привести к столь большим совпадениям в десятках деталей, не имеющих прямого адаптивного значения. Они могут быть объяснены только кровным родством.

4) Хотя те или иные черты нового типа можно найти у самых различных ископаемых людей, принадлежавших к так называемой «неандертальской стадии», однако бесспорно, что они «скопились» преимущественно в типе Схул и, таким образом, дают основание говорить об определенной территории распространения промежуточного типа в мустьерское время.

5) Важным свидетельством в пользу возможности происхождения современного человека в одной области служит огромное разнообразие типов в гроте Схул, где можно найти вариации, не уступающие по величине таковым у современного человечества, причем весьма сильно варьируют, в частности, и те признаки, по которым ныне дифференцируются большие расы. Так, например, лицевой угол у Схул IV равен 97° , а у Схул V — $73,5^\circ$ — величины, свидетельствующие о различиях в вертикальной профилировке лица по крайней мере такого же масштаба, как различия между европейскими и негритянскими расами. Аналогичные выводы получаются при сопоставлении скелетов Схул между собой по длине черепа, ширине затылка, ширине среднего отдела лица, наименьшей ширине носовых костей, форме сечения диафиза бедра, кривизне бедра, отношению длины голени к длине бедра, отношению длины предплечья к длине плеча, кривизне локтевой кости и т. д. Таким образом, локальные типы мустьерского человека, напоминающие по отдельным признакам современные расы, обнаруживаются с большей отчетливо-

¹⁵ K. Wagner. Endocranial diameters and indices etc., *Biometrika*, XXVII. 1935, parts I and II. March.

летя допустить, что некоторые резко выраженные типы древних людей исчезли, не оставив потомства, что нарушает стройность концепции Вейсберга, согласно которой все известные нам в палеоантропологии типы (включая классических неандертальцев) по внутренним законам своей организации должны были превратиться в современных людей. Если же «гиганты» Юго-Восточной Азии — действительно предки современных рас, обитающих в Австралии или в Индонезии, то непонятно, какая причина стерла всякие следы этого происхождения у населения западных областей. Другой аналогичный пример. Если сравнить современные большие расы по толщине костных стенок черепа (по сумме же толщина нижнего отдела лобной кости и затылка), то можно обнаружить довольно крупные различия. По данным Вагнера¹⁵, разница между продольным диаметром черепа и длиной мозговой полости внутри черепа равна у австралийцев 19,53 мм, у норвежцев — 15,46 мм, у эскимосов — 13,91 мм; если выразить разницу между австралийской и эскимосской сериями (5,62 мм) в процентах эскимосской величины, то получим 40,4%. Если же взять аналогичную разницу между нгандонгскими черепами (средн. арифм. по шести черепам) и черепами западных неандертальцев (средн. арифм. по Ля Шапелль, Неандерталь, Гибралтар), то получим огромную разницу: 41,5 — 23,7 = 17,8 мм, что составляет 75,1% меньшей величины.

3) Вероятность параллельного или конвергентного появления сходных комплексов черепных и других признаков в отдаленных областях у рас, имеющих разных предков, уменьшается тем обстоятельством, что очень многие видовые признаки *Homo sapiens*, как это показал специальный анализ, связаны между собой ничтожно малой (положительной) корреляцией или не связаны вовсе. Эти признаки могли сложиться в некоторую систему только в результате исторического процесса, так как физиологически они независимы друг от друга. Но общность исторических закономерностей не могла привести к столь большим совпадениям в десятках деталей, не имеющих прямого адаптивного значения. Они могут быть объяснены только кровным родством.

4) Хотя те или иные черты нового типа можно найти у самых различных ископаемых людей, принадлежавших к так называемой «неандертальской стадии», однако бесспорно, что они «скопились» преимущественно в типе Схул и, таким образом, дают основание говорить об определенной территории распространения промежуточного типа в мустьерское время.

5) Важным свидетельством в пользу возможности происхождения современного человека в одной области служит огромное разнообразие типов в гроте Схул, где можно найти вариации, не уступающие по величине таковым у современного человечества, причем весьма сильно варьируют, в частности, и те признаки, по которым ныне дифференцируются большие расы. Так, например, лицевой угол у Схул IV равен 97°, а у Схул V — 73,5° — величины, свидетельствующие о различиях в вертикальной профилировке лица по крайней мере такого же масштаба, как различия между европейскими и негритянскими расами. Аналогичные выводы получаются при сопоставлении скелетов Схул между собой по длине черепа, ширине затылка, ширине среднего отдела лица, наименьшей ширине носовых костей, форме сечения диафиза бедра, кривизне бедра, отношению длины голени к длине бедра, отношению длины предплечья к длине плеча, кривизне локтевой кости и т. д. Таким образом, локальные типы мустьерского человека, напоминающие по отдельным признакам современные расы, обнаруживаются с большей отчетливо-

¹⁵ K. Wagner. Endocranial diameters and indices etc., *Biometrika*, XXVII, 1935, parts I and II, March.

стью в срединной области Старого света, чем на его периферии. Замечательным фактом является то, что скелеты, столь несходные друг с другом, были найдены в такой взаимной близости, что Кизс предположил здесь наличие обрядового захоронения^{15 а}. Имеется основание думать, что различные типы древнего человека смешивались между собой на этой территории и что дальнейшая эволюция человечества и возникновение современного человека шли на основе смешанного в расовом отношении типа.

б) Хотя скелетные материалы по эпохе позднего палеолита остаются еще весьма скудными, в особенности на азиатском материке, однако они дают повод предположить, что *Homo sapiens fossilis* ориньякской эпохи еще не представлял таких отчетливых делений на большие расы, как современный человек. В литературе, правда, можно встретиться с утверждениями о том, что уже в самом начале позднего палеолита на территории Европы обитали весьма различные расы, в том числе негроидная (старая женщина и юноша из грота Гримальди)¹⁶. Сходство скелетов Гримальди с негритянскими не вызывает никаких сомнений и признано почти всеми антропологами мира¹⁷. Некоторые исследователи, правда, склонны видеть в особенностях этих скелетов не расовые свойства, а случайно возникшие семейные черты. Такой взгляд встречается, однако, некоторые трудности вследствие большого числа этих физиологически не связанных друг с другом негроидных признаков, притом на двух индивидах. Тем не менее невозможно согласиться с тем, что скелеты Гримальди — типичные негры. Их большое сходство с кроманьонцами отмечали Заллер¹⁸, Кизс¹⁹, Морант²⁰ и др. Действительно, если иметь в виду, что скуловой диаметр увеличивается у мужчин после 15 лет приблизительно на 1 см, то скуловая ширина юноши должна быть увеличена со 130 до 140 мм приблизительно, что довольно близко к соответствующей величине кроманьонцев. Далее, хотя носовые кости «негроидов Гримальди» уплощены у корня, однако «спинка носа не уплощена, как у негров, а выступает наподобие того, что наблюдается у европейцев²¹. Широко расставленные лобные бугры и низкие орбиты также отличают эти черепа от негритянских. Наконец, высота зубного отростка верхней челюсти мала и, выраженная в процентах высоты носа, весьма близка к величинам кроманьонцев (32,5 у ♂ и 34,0 у ♀), резко отличаясь от величин негров (42—45). Повидимому, более правильно поэтому говорить о существовании в раннем ориньяке особой расы, еще совмещавшей в себе признаки некоторых современных больших рас. Вряд ли случайно также сочетание в раннеориньякском скелете из Комб-Капелль черт кроманьонца с «австралийскими» или «эфиопскими» признаками. Если обозреть в целом позднепалеолитический ископаемый материал, то легко заметить, что по некоторым признакам многие скелеты этого времени (из разных областей) более походят друг на друга, чем современные расы. В частности, это следующие признаки: крупные размеры коренных зубов, значительные размеры нижней челю-

^{15 а} Череп Схул IX, повидимому, несколько более древний, чем Схул IV и Схул V.

¹⁶ R. Verneau, Les grottes de Grimaldi (Baoussé Roussé), *Anthropologie*, 1906—1919, Monaco, tome I, fasc. 1.

¹⁷ M. Boule, *Les hommes fossiles*, Paris, 1923; Th. Mollison, *Phylogenie des Menschen*, 1933, *Handbuch d. Vererbungswissenschaft*, Lief. 18 (III, J), Berlin.

¹⁸ K. Saller, *Die Cromagnonrasse und ihre Stellung zu anderen jungpaläolithischen Langschädelrassen*, *Ztschr. f. induct. Abstammungs- und Vererbungslehre*, Bd. 39. 1926.

¹⁹ A. Keith, *The Antiquity of Man*, London, 1929.

²⁰ G. Morant, *Studies of palaeolithic Man, a biometric study of the upper palaeolithic skulls of Europe and of their relationships to earlier and later types*, *Annals of Eugenics*, vol. IV, 1930.

²¹ Т. Осборн, *Человек древнего каменного века*, пер. с англ. под ред. Б. Н. Вишневского. Ленинград, 1924, стр. 209.

сти, большие размеры скулового диаметра, верхней ширины лица, большие щеки, покатость лба, заметно выступающие надбровные дуги²², большой носовой указатель, низкие орбиты, малый лицевой указатель, мезогнатность или прогнатность, длинные голени. Флорисбадский череп из Южной Африки²³ и черепа из верхнего грота в Чжоугоудянь²⁴, несомненно, более сходны с позднепалеолитическими черепами Западной Европы, чем современные бушмены, китайцы и европейцы между собой. Хотя уже в мадлене разнообразие антропологического состава человечества было весьма велико (ср. фрагмент черепа ребенка на Афонтовой горе²⁵ и черепа из Оберкасселя), однако в общем вряд ли можно отрицать некоторое сближение типов в позднем палеолите по сравнению с современностью. Если дальнейшие находки подтвердят этот предварительный вывод, то придется признать, что и позднепалеолитический материал свидетельствует против теории полицентризма и скорее согласуется с возникновением современного человека в одной области.

Все изложенные факты согласуются с теми результатами, к которым пришел Чарлз Дарвин, показавший большое сходство выражения различных эмоций у самых отдаленных рас. Дарвин с полным основанием заключает, что расы дифференцировались у человека уже после того как их общий прародитель приобрел все основные специфические черты, характерные для человека, как высоко развитого существа; в частности, этот вывод хорошо иллюстрируется, например, тем, что у самых различных рас чувство стыда выражается одинаковым образом — покраснением лица²⁶.

Против теории полицентризма можно, таким образом, привести большое число серьезных возражений из разных отделов антропологии. Однако было бы ошибочно на этом основании притти к выводу, что современный человек возник на одной узко ограниченной территории в какой-то наиболее «одаренной» группе неандертальцев, что он затем распространился по свету и истребил все другие, неспособные к дальнейшему развитию формы гоминид. Такая точка зрения, широко представленная в ряде зарубежных работ, стоит в резком несоответствии с фактами и с соображениями теоретического порядка.

Если действительно нельзя себе представить, не вступая в противоречие с принципом необратимости эволюции, чтобы «лапообразная» кисть киик-кобинца превратилась в узкую и гибкую кисть современного человека или чтобы тавродонтные зубы неандертальца из Крапины заменились у его потомка кинодонтными зубами, то отсюда не следует, что западноевропейские неандертальцы по самой своей природе не могли породить более совершенное потомство и были вследствие своей организации обречены на вымирание. Никаких доказательств в пользу такого взгляда не имеется. С другой стороны, можно с уверенностью говорить о том, что исторически сложившиеся условия должны были замедлить развитие обществ и их производительных сил в тех группах древ-

²² Г. Дебец, Брюни-Пшедмост, Кро-Маньон и современные расы Европы, Антропологический журнал, 1936, № 3, стр. 310—322; I. Matiegka, Homo predmostensis, 1934 (Česke Akademie).

²³ A. Galloway, The nature and status of the Florisbad skull as revealed by its non-metrical features, Am. Journ. of Phys. Anthropology, vol. 23, 1937, No 1, pp. 1—17; его же, The characteristics of the skull of the Boskop physical type, ibid., pp. 31—47.

²⁴ F. Weidenreich, On the earliest representatives of modern mankind recovered on the soil of East Asia. Peking Natural History Bull. 1939, v. 13.

²⁵ Г. Ф. Дебец, Фрагмент лобной кости человека из культурного слоя стоянки «Афонтова гора II» под Красноярском, Бюлл. Ком. по изуч. четвертичного периода, 1946, № 8, изд. АН СССР, стр. 73—77.

²⁶ Ч. Дарвин, О выражении ощущений у человека и животных, под ред. акад. А. О. Ковалевского, СПб., 1896.

них людей, которые оказались в длительной изоляции или в естественной среде, неблагоприятной для прогресса производства орудий и способов охоты.

С биологической точки зрения мало вероятно, чтобы столь быстрый и интенсивный процесс, каким было формирование современного человека, мог осуществиться в малочисленной орде на тесном пространстве. Дарвин показал значение величины ареала для эволюции вида, обратив внимание на то, что на больших и открытых пространствах увеличиваются шансы появления новых благоприятных изменений, вследствие многочисленности живущих на них особей и большей сложности и разнообразия условий их жизни²⁷. Качественное своеобразие эволюции человека, как социального существа, заставляет еще с другой точки зрения отказаться от моноцентризма в узком смысле слова. Такие свойства нового человека, как способность к высокоразвитой членораздельной речи и выросшая с ней внутренняя возможность использования своего и чужого опыта, могли появиться только там, где значительные массы людей приходили в соприкосновение друг с другом. Резко выраженная неоднородность антропологического состава населения гротов горы Кармел указывает на тесный контакт разных рас древнего человечества в этой области и по всей вероятности на их смешение. Последнее должно было в большой степени содействовать скорости превращения неандертальского человека в современного.

Территория, на которой осуществлялся процесс возникновения *Homo sapiens*, вероятно, включала в себя восточное Средиземноморье, Переднюю и Южную Азию, может быть Восточную Африку — страны, лежавшие на удобных для древних гоминид путях сообщений. Ее границы приблизительно очерчиваются на карте распределения групп крови, охватывая центральную часть той области, где в достаточно большом проценте представлены все три основные группы крови: О, А и В. Америка, Австралия и Океания выступают на этой карте как зоны более позднего проникновения человека, где в результате переселений малыми изолированными коллективами действовали так называемые «генетико-автоматические», или «стохастические», процессы и где вследствие этого почти полностью исчезла группа крови В. Замечательно, что западные районы Европы и юг Африки также дают картину значительного уменьшения концентрации группы В, в особенности у ирландцев, у басков, у бушменов. Может быть, и эти факты представляют собой как бы смутное напоминание о том времени на рубеже мустьерской и ориньякской эпох, когда названные области еще представляли собой для нарождавшегося нового человека далекую периферию, которой он медленно, шаг за шагом, достигал небольшими группами собирателей и охотников²⁸.

Неравномерность исторического развития разных коллективов древних людей, связанная с условиями хозяйства и степенью изоляции, привела к тому, что не все типы палеоантропа приняли одинаковое участие в формировании неантропа. Отстававшие группы могли быть частично уничтожены, а главным образом ассимилированы более многочисленными обществами. Отдельные черты сходства между западными неандертальцами и современными европейцами, может быть, являлись следствием подобного смешения.

Материалы палеоантропологии, таким образом, заставляют отверг-

²⁷ Ч. Дарвин, Происхождение видов путем естественного отбора, пер. с англ. под ред. проф. А. Д. Некрасова, изд. АН СССР, 1939.

²⁸ Я. Рогинский, Закономерности распределения групп крови у человека, 1941. Первые сообщения о научных работах Н.-и. института и Музея антропологии МГУ за 1938—1939 гг.

нуть теорию полицентризма и приводят к выводу о единстве происхождения современного человечества и о кровном родстве всех составляющих его рас.

Вместе с тем оказывается неприемлемой и гипотеза буквально понимаемого моноцентризма. Есть все основания полагать, что современный человек возник в одной, но обширной области и что контакт между отдельными коллективами и смешение между древними расами играли в этом процессе очень важную роль.